

ВЛАДИМИР И. КУЛАКОВ (Москва)

КУЛЬТОВОЕ ОРУЖИЕ БАЛТОВ И СЛАВЯН X-XII ВВ.

Оружие раннесредневекового населения Восточной Европы на рубеже распада родовых отношений и становления государственности имело не только боевое, но и иное значение. На основе анализа погребальных древностей восточных славян современная наука пришла к следующему выводу. Если в предгосударственный период присутствие оружия в могилах показывало статус погребенного, то в XI-XIII вв. в тщательно сохранявшихся мечах князей и героев видели отображение их славы. „Развитие феодальных организации выдвинуло меч в качестве важнейшего военного и государственного символа”¹. Считается, что наряду с мечем и копьем символом княжеской власти являлся и миниатюрный топорик, применявшийся, возможно, в дворцовых церемониях². Этот вывод сделан прежде всего с учетом декора мечей и топоров, в ряде случаев выполненном на высоком художественном уровне с применением благородных металлов.

Анализ структуры и смысла орнамента на топориках-амулетах XI-XII вв. имитировавших не только декор, но и форму больших топоров, проведен В. П. Даркевичем. Автор убедительно доказал, что данные амулеты, восходящие к топорам типов IV и VIII (по А. Н. Кирпичникову), являлись оберегами и символами Перуна³. В связи с этим возникает вопрос: не имел ли культовый смысл и декор архетипов этих амулетов – реальных топоров, а также и некоторых мечей?

Для выяснения вопроса следует обратиться к древностям славян на раннем этапе их истории. На территории, ставшей ядром Польского государства, а ареале полян и голяни в VII-VIII вв. появляются ножи с волютообразными навершиями (рис. 1). В дальнейшем через Подунавье эти ножи распространяются в Восточной Европе, где существуют до XI в. В. Шиманский привлекая обширный археологический материал, доказал,

¹ Кирпичников 1966 а, с. 48, 49, 59.

² Кирпичников 1966 б, с. 42, 45.

³ Даркевич 1961, с. 96, 101.

что эти ножи являлись атрибутом славянских жрецов и были непосредственно связаны с земледельческими культами⁴. Сообщение Прокопия Кесарийского позволило сделать вывод, что уже в VI в., времени близком появления жертвенных ножей, славяне приносили в жертву быков⁵. Традиции подобного жертвоприношения, в котором со временем быка заменил козёл, дошли до нас в устном русском народном творчестве⁶. Обрядовые песни прямо упоминают иож как атрибут жертвоприношения. Связь жертвы Перуну с иожём позволяет трактовать валюты ранних культовых ножей славян как символ рогов быка (козла, барана), как жертвенного животного (*pars pro toto*). Зигзаги на рукоятях этих ножей – символы молний⁷ – подтверждают принадлежность этих предметов культу бога-владыки молний.

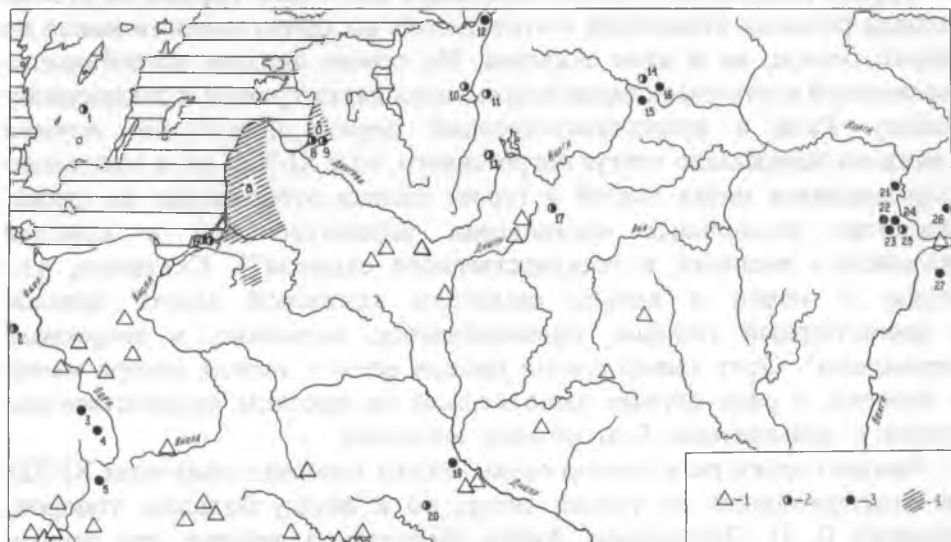

Рис. 1. Карта распространения культового оружия балтов и славян эпохи раннего средневековья

1 – жреческие ножи с валютообразным навершием (по Р. С. Минясиной и В. Шиманскому); 2 – „северобалтийская группа“ топоров XI в. (по П. Паульсену); 3 – культовые топоры славян с плакированными изображениями (реже таушировкой) XI–XII вв.; 4 – ареалы культовых мечей и костяных топориков, подковообразных фибул с головками козлов. В ареале „а“, кроме того, представлены булавы с атектоническими навершиями

Уже на первичном этапе оформления славянской практики жертвоприношения Перуну с населением Повисления сталкивались пруссы⁸. К началу XIII в. пруссы частично занимают земли гоплин

⁴ Szymański 1965, с. 146–48; 1988, с. 155–56.

⁵ Седов 1982, с. 268.

⁶ Рыбаков 1987, с. 139.

⁷ Даркевич 1961, с. 94.

⁸ Кулаков 1985 а, с. 73.

и мазовшан, проникая набегами за р. Вислу⁹. В пределах конфедерации прусских земель оказалось большое количество славян. Последние принесли пруссам многовековые традиции земледелия¹⁰. Логично предположить, что наряду с этим, западные балты могли познакомиться и с земледельческим культом славян. К сожалению, прусская этнография, сохранившаяся фрагментарно, в этом вопросе помочь не может. Зато традиции литовцев, связанные с богом Перкунасом, от которого зависит благополучие земледельства, тщательно собранные В. П. Даркевичем¹¹, отвечают на этот вопрос однозначно. Многочисленные земледельческие обряды, связанные с топором-символом Перкунаса, роль топора как оберега, показывают значительное сходство литовского культа бога-громовника со славянскими языческими традициями XI-XII вв. У пруссов в 1520 г. зафиксировано жертвоприношение богу-громовнику (?) быка¹². Быки и их жертвоприношения были, несомненно, известны пруссам и аукштайтам не позднее XIII в., ибо уже в это время они использовали бычьи пахотные упряжки¹³.

Современный уровень узученности древностей балтов позволяет выделить среди типов их вооружения предметы сакрального характера. К ним относятся прежде всего однолезвийные мечи с антенновидными наконечниками (рис. 2, 1) (10 экз.). Местом их появления Р. К. Волкайте-Куликаускаене определяет западную Литву, время бытования – кон. X-XI вв.¹⁴ Прототипы этих мечей – двулезвийные клинки типов Z и Z особый появляются в Прибалтике и на Руси, как доказал А. Н. Кирпичников, на рубеже X-XI вв.¹⁵

Железные наконечники и перекрестия создают конструкцию рукоятки, делающую меч непригодным для боевого фехтования. С другой стороны, антенновидные наконечники этих клинков аналогичны по устройству и, видимо, по семантической значимости наконечникам жертвенных ножей славян. Те и другие использовались при заклинании жертв Перуну-Перкунасу. Обращает внимание необычайная форма перекрестия таких мечей. Своим центральным выступом они показывают знакомство балтских оружейников с эфесами мажарских и русских сабель. Эта особенность сабельного перекрестия „запертого вражеского удара” могла появиться на мечах не ранее XII в.¹⁶, что уточняет время оформления деталей сакральных мечей балтов. Перекрестие этих мечей по форме

⁹ Ślaski 1970, с. 28.

¹⁰ Powierski 1968, с. 121.

¹¹ Даркевич 1961, с. 96-100.

¹² Lucas David 1812, с. 117.

¹³ Вийрес 1975, с. 31, 32.

¹⁴ Volkaite-Kulikauskiene 1970, с. 201.

¹⁵ Кирпичников 1966 а, с. 35.

¹⁶ Кирпичников 1966, а, с. 69.

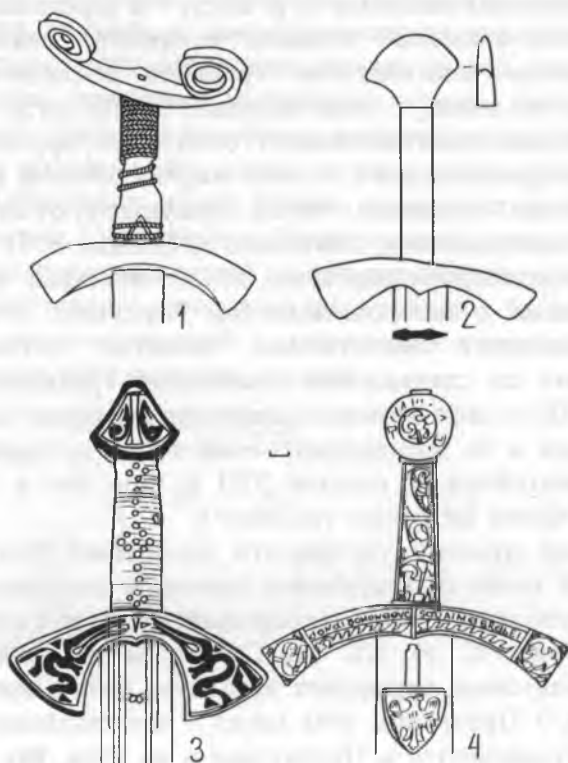

Рис. 2. Культовые мечи западных балтов XI-XII вв. и их аналогии

1 – меч из могильника Гияталишке (Плунгесский р-н, Литва); 2 – меч из бывш. Шилинен (низовья р. Неман); 3 – меч из собрания музея Барджелло (Флоренция); 4 – „Шербеп” – коронационный меч польских королей. 1-2 – железо, 3 – железо, плакированное серебром с инкрустацией медью, 4 – железо, плакированное серебром с чернью

и прорезному ориаменту полностью соответствует двойному топорик-амулету Перуиа из Новгорода¹⁷. Даже такая мельчайшая деталь, как прорезные линии в самой узкой части топора, совпадают на подвеске из Новгорода и на балтских мечах¹⁸.

Итак, самостоятельное создание западиобалтийскими оружейниками ножа-меча¹⁹ и знакомство дружины Прибалтики²⁰ с оружием Поднепровья привели к оформлению в XI-XII вв. местного типа саблн-меча. Это ставшее сакральным оружие возникает как в западной Литве, так и на Самбии²¹ и проникает в землю ливов.

¹⁷ Арциховский 1953, рис. 25.

¹⁸ Żak 1963, rys. 86.

¹⁹ Казакевичюс 1986, с. 54.

²⁰ Кулаков 1985 б, с. 130.

²¹ Paulsen 1956 б, с. 121.

Великолепным экземпляром подобного оружия является меч из музея Барджелло из Флоренции (рис. 2, 3), приписываемый польскому феодалу Яксе из Мехува²². Последний оставил меч в Италии по обету между 1162 и 1176 гг. К знатному вонну из окрестностей Кракова этот меч мог попасть только как трофей одного из сражений с пруссами, которыми так богат был для Польши XII в. Сакральные мечи балтов (тип III по А. Н. Кирпичникову на Руси редок) таковыми воспринимались и в Польше. Это подтверждается не только жертвой по обету Яксы из Мехува. Коронационный меч польских королей — знаменитый „Щербец”, изготовленный до 1242 г. для князя Мазовецкого Болеслава, чьи владения граничили с прусскими землями²³, повторяет детали сакральных мечей балтов (рис. 2, 4). Отголоски их оформления отразились и в антенновидных навершиях (в одном случае — головка козла) однолезвийных ножей Нижней Германии XIV-XV вв.²⁴

Изображение жертвенных козлов на перекрестии меча из музея Барджелло соотносятся с богато орнаментированными топорами из Шлэнска (рис. 3, 2). На мече и топорах представлены парные изображения козлов (на топорах — с обеих сторон лезвия). Техника изготовления изображений — плакировка серебряным листом с бронзовыми инкрустациями — нехарактерная для Центральной Европы и Скандинавии, хорошо известна в дружинных древностях пруссов²⁵ и аукштайтов²⁶ X-XII вв. С другой стороны, парные изображения жертвенных козлов появляются на фибулах-оберегах²⁷ в земле пруссов с сер. X в.²⁸ и существуют у западных балтов вплоть до XIV в. (рис. 5, 4, 7). Символ жертвенных животных, как и навершия ритуальных мечей, отображают биспиральные головки булавок Западной Литвы X-XI вв.²⁹ Это позволяет предположить не только устойчивые западнобалтские традиции жертвоприношения богу-громовнику парнокопытных домашних животных — козлов, но и прибалтийское происхождение архетипов топоришков одерского левобережья. Данные предметы относятся к топорам типа IV (по А. Н. Кирпичникову). Считается, что данный тип оружия конного воина возник в X в. на Руси³⁰. Однако находки 9 топоров типа IV, украшенных таушированным орнаментом, позволили П. Паильсену выделить их в особую северобалтийскую группу. Такое обособление

²² Heydebrand-Lasa 1939, с. 147.

²³ Nadolski 1978, с. 36.

²⁴ Müller, Kölling 1981, с. 177.

²⁵ La Baume 1941, с. 29.

²⁶ Vaitkunskiene 1981, с. 71-77.

²⁷ Рыбаков 1987, с. 297.

²⁸ Mühlen 1975, Taf. 56.

²⁹ Tautavicius 1978, с. 37.

³⁰ Кирпичников 1966 б, с. 36, 37.

орнаментированных топоров общепризнанно³¹. Их происхождение гипотетически можно связать с землей пруссов, ибо самый ранний, реалистически изображавший птичье крыло орнамент встречен в прусских дружинных погребениях³². На востоке Балтийского бассейна орнамент этих топоров геометризируется, сохраняя при этом отдельные элементы архетипа (рис. 3, 3). Полукруглые очертания перьев превращаются в ромбические фигуры, длинные маховые перья формуются в виде зигзагов.

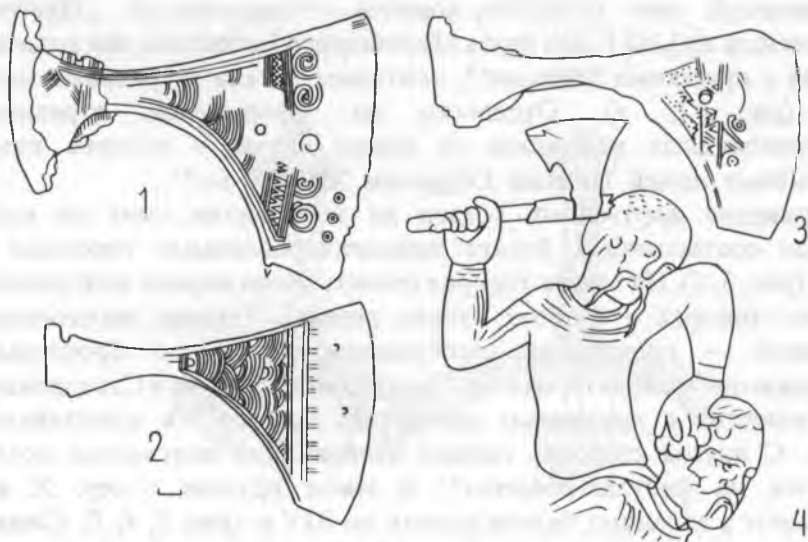

Рис. 3. Жертвенные топоры пруссов и ливов XI-XII вв.

1 – топор из погр. 16 могильника Ирзеканияс (Зеленоградский р-н Калининградской обл.); 2 – топор из дер. Угль (Новгородская обл.); 3 – топор из кург. 36 могильника Путели (Латвия); 4 – принесение в жертву миссионера Войцеха (сцена XIV Гезиенских врат). 1-3 – железо с таушировкой серебром, 4 – бронза

Родившиеся в дружинной среде пруссов топоры с отверстием и крючком в нижней части лезвия первоначально имели грубо боевое назначение. На это указывают их характерные черты. Отверстие в лезвии предназначалось для крепления шкота³³, крюк позволял плотнее держаться топору в борту враженной ладьи или способствовал стаскиванию с коня противника. Шкот позволял притягивать топор обратно после броска. Этим данные топоры совмещали функции как позднейших abordажных крючьев так и метательных франциск VI-V вв. н.э.³⁴ Однако уже на рубеже XI-XII вв. подобные топоры (крючок у них меньше размерами относительно боевых топоров) служат прусским

³¹ Корзухина 1966, с. 93.

³² Кулаков 1982, с. 186.

³³ Ханенко, Ханенко 1902, с. II, IV.

³⁴ Разин 1940, с. 16.

жрецам. Это явствует из сцены принесения прусским жрецом Сикко миссионера Войцеха в жертву языческим богам, представленной на Гнезненских вратах сер. XII в.³⁵ (рис. 3, 4).

Можно предположить, что культовые функции присущи и 11 топорам с плакированными сакральными изображениями³⁶, найденным в Восточной Европе (рис. 1). Представленный на них в ряде случаев орнаментальный мотив „процветшего ростка” (так наз. „топорик Андрея Боголюбского”, „симбирский топорик” и т.д.) вписывается в схему культовых воззрений связанных с земледельческими обрядами, адресованными богу-громовнику. Известные по этнографическим данным костяные (уже не жертвенные) топоры XVII-XIX вв., бытовавшие в Прибалтике, снабжались аналогичными изображениями³⁷. Следы сработанности на их лезвиях, как и на остриях древнерусских топориков-амулетов, указывают на то, что ими производились ритуальные действия, связанные с ударами лезвия (имитация рубки первого дерева на будущем нахотном поле и т.д.). Наиболее ранний из костяных топоров, найденный в Быдгоще (Польша) и датированный XI в.³⁸, по декору восходит к „пернатому” орнаменту прусских топориков с крючком. Обнаруженный на польско-прусском пограничьи, топорик из Быдгощи относится, вероятно, к кругу атрибутов прусских жрецов.

Таким образом, в древностях балтов и славян выявлен ряд категорий оружия, применявшегося, видимо, первоначально при заклании жертвы. Затем это оружие (в уменьшенном размере и в ином материале) стало оберегами и орудиями магии.

1. Жертвенные ножи с волutoобразными навершиями. Их распространение в VII-IX вв. соответствует расселению славянских племен в Восточной Европе. Эти ножи применялись жрецами при заклании парнокопытных животных небольших размеров – козлов и баранов (жертвенные ножи небелки по размерам). Данная культовая практика несомненно связана прежде всего с земледелием. Отсутствие деревянной или костяной рукояти сближает жертвенные ножи с плужными.

2. С кон. X до XII вв. в землях пруссов, куршей и, в меньшей степени, ливов при жертвоприношениях используются ножи-мечи с перекрестиями в виде пары топоров. Причастность этого оружия культу Перкунаса подтверждается формой антенновидных наверший мечей балтов. Не исключено, что ритуальное значение имели и мечи ливов с бронзовыми рукоятями в виде пары драконов, однако их рассмотрение в рамки данной работы не входит.

³⁵ Karwasińska 1956, с. 20-26.

³⁶ Корзухина 1966, с. 93.

³⁷ Paulsen 1956 с. 52.

³⁸ Hensel 1950, рис. 70.

Обычай применения неславянским³⁹ населением Восточной Европы мечей при жертвоприношениях отмечен как в письменной традиции (ибн Фадлан⁴⁰), так и в археологическом материале. Анализ последнего позволил установить возникновение в дружинной среде Поднепровья традиции жертвоприношения козла или барана⁴¹. Эти заклания предназначались повелителю молний – Тору, что подтверждается находкой в знаменитой Чёрной Могиле его статуетки⁴², находившейся в верхней части могильной насыпи рядом с двумя скрамасаксами. Последние совершенно справедливо определены Б. А. Рыбаковым как жертвенные мечи⁴³, применявшиеся при заклании барана, шкуру и кости которого были помещены в насыпь рядом.

Как и жертвенные скрамасаксы Гнёздова и Чёрной Могилы, культовые мечи западных балтов тоже имеют одиозлезвийный клинок длиной до 80 см. Представляется вполне вероятным знакомство дружинников-балтов с этим обрядом в Поднепровье. После возникновения её в пределах Руси (X в.) данная культовая практика с кон. X в. начинает использоваться на берегах Балтики. Как и русские дружинники, балты применяют меч при жертвоприношении богу-громовнику – Перкунасу. Этот обычай перенимают потом и ливы.

В X-XI вв. известны культовые мечи скандинавского происхождения, имевшие костяные перекрестия. Последние не предполагают использования этого оружия в бою. Перекрестие меча из Сигтуны на одной из сторон несёт изображение головы мужчины с длинными волосами и усами, на другой – фигурку козла⁴⁴. Отметим, что более ранний жертвенный скрамасакс из кургана 74 в Гнёздове между рукоятью и клинком был снабжён серебряной головкой бородатого мужчины⁴⁵. „Меч св. Стефана” из клада в соборе св. Вита (Прага) снабжён аналогичным по материалу, форме и изображениям перекрестием⁴⁶. Культовый меч типа Т (по Я. Петерсену) из Островита (Зеленогурское воев., Польша) также был снабжён костяными перекрестием и навершием⁴⁷.

3. Результатом связей с Восточной Европой является, вероятно, появление сначала в земле пруссов, а затем и у других народов Прибалтики боевого топора типа VI (по А. Н. Кирпичникову). С кон. X в. эти топоры украшаются здесь таушированным „пернатым” орнаментом,

³⁹ Лебедев 1978, с. 23, 24.

⁴⁰ Ковалевский 1956, с. 144.

⁴¹ Петрухин 1983, с. 178.

⁴² Пушкина 1984, с. 87.

⁴³ Рыбаков 1949, с. 41.

⁴⁴ Graham-Campbell, Kidd 1960, Pl. 98.

⁴⁵ Спицын 1905, рис. 113-15, 141.

⁴⁶ Filip 1951, рис. 101.

⁴⁷ Langenheim 1936, с. 287.

удачно сочетающимся по смыслу с формой самого топора (птичье крыло). Можно предполагать, что данный предмет вооружения тоже использовался в жертвоприношениях. Его орнамент и форма указывают на объект заклания птицы. Доказано, что в сонме жертв северным богам не последнее место занимал петух, связанный с культом Одина и загробным миром⁴⁸. Наличие подобного жертвоприношения в культе пруссов неудивительно, ибо новейшие исследования выявили плотные связи в скандинавской и балтской мифологиях⁴⁹. Свидетельства подобной культовой практики у пруссов и литовцев подтверждают данные археологии⁵⁰ и этнографии⁵¹.

4. Появление в Восточной и Центральной Европе в XI в. культовых топориков небольших размеров является следствием интенсивных связей местного населения с Прибалтикой. Как у восточных славян, так и у моравян и словенцев эти топоры характеризуются: а) формами, восходящими к общему прототипу, представленному в Прибалтике; б) некоторые топоры копируют чисто балтские формы, например, общеизвестный ладожский топорик воспроизводит форму узколезвийных топоров⁵² древнего населения Литвы и Латвии X-XI вв.; в) данные топоры украшены плакировкой, характерной прежде всего для декоративного искусства пруссов и аукштайтов XI-XII вв. Культовые топоры, по размерам и ввиду узкого лезвия не пригодные для боевых действий, обнаружены вне археологических комплексов, изредка – на городищах (святилищах?). Содержание композиции изображений, представленных на восточнославянских топориках (растительный орнамент) указывает на их причастность к культу плодородия. Тот факт, что они встречены в окраинных, слабо подверженных христианизации землях Руси (рис. 1) подтверждает их языческую сущность. Показательно, что в некоторых пунктах их распространения ранее бытовали ножи с волнообразными навершиями (Новгородчина) и встречены топоры с „пернатым орнаментом”. Это указывает на устойчивые традиции существования жертвенного и культового оружия у восточных славян. В связи с этим трудно предположить правомерность упоминавшейся выше концепции их использования в дворцовых церемониях. Топорики царских рынд позднейшего времени по форме лезвия воспроизводят равноостроенные секиры типа М (по Я. Петерсену) варяжской гвардии императоров Византии⁵³.

⁴⁸ Петрухин 1976, с. 163.

⁴⁹ Топоров 1970, с. 538-40.

⁵⁰ Урбанавичюс 1985, с. 163.

⁵¹ Мержинский 1899, с. 375, 376.

⁵² Volkaite-Kulikauskiene 1981, с. 37.

⁵³ Heath 1986, с. 25.

Топорики Шлёйска и Моравии (рис. 4), по форме восходящие к прусским образцам⁵⁴, являются результатом своеобразной языческой оппозиции, возникшей по отношению к католицизму на данных территориях в XI в. Важное значение при этом имело, видимо, и влияние проиравших в верховия р. Вислы в результате прусских походов балтских культовых традиций⁵⁵. Даже погребение чешского князя Болеслава IV (ум. 999 г.) сопровождалось причастными к культу плодородия жертвами домашних животных⁵⁶.

Рис. 4. Жертвенные топоры Шлёйска и Моравии

1 – топор из Жагана (Зележогурское воев. Польша); 2 – топор из городища Шаубенберг; 3 – топор из Губена (Зележогурское воев., Польша); 4 – топор из собраний Вейского музея. 1-4 – железо с плакировкой серебром и инкрустацией бронзой

5. Таким образом, практически все категории и типы жертвенного оружия балтов и славян VII-XII вв. связаны с земледельческой культовой практикой поклонения богу-громовнику (Перкунасу-Перуну). Аналоги-

⁵⁴ Paulsen 1956 а, с. 178.

⁵⁵ Велецкая 1978, с. 14.

⁵⁶ Herrmann 1961, с. 219.

чные предметы у скандинавов соответствуют культу Тора. В восточной Европе Перун почитался как в виде идола (Новгород, Киев), так и в виде топора с сакральными изображениями⁵⁷. Топор или его аналог-заменитель трёхлопастный крест – символы громовника⁵⁸ – на фибулах ливов X-XI вв.⁵⁹ и парные фигурки козлов на фибулах западных балтов X-XIV вв. (рис. 5, 4, 7) указывают на почитание бога через его атрибуты и жертвенных животных. Самое раннее антропоморфное изображение громовника известно на англо-фризских серебрянных монетах-скеаттах VIII в. (рис. 5, 1). Здесь Тор представлен длиниоволосым и длинноусым мужчиной, как и на упоминувшемся выше перекрестии меча из Сигтуны. По бокам мужской головы на монетах представлены символы топора Тора – лопастные кресты. На реверсе монет – бегущий козёл, неразлучный спутник Тора, несший его громовую колесницу. В современной литературе, несмотря на указанные выше конкретные реалии, установилась тенденция отождествления этих изображений с Одином⁶⁰.

Рис. 5. Изображения бога-громовника и его сакральных животных в искусстве Балтийского субрегиона VIII-XIV вв.

1 – скеатта VIII в. (фрисланд); 2, 3 – подвески X в. из тиздковского кладя 1868 г.; 4 – фибула из погр. 94 могильника Ирзскапинис (вторая пол. X в.); 5 – наконечник ножа меча из погр. 117 могильника Ирзскапинис (сер. X в.); 6 – накладка конского оголовья из погр. 45 могильника Ирзскапинис (кон. XI в.); фибула из Курклитинский (Утхмергский р-н Литва). 1-3, 7 – серебро, 4, 5 – бронза, 6 – железо, плакированное серебром

⁵⁷ Даркевич 1961, с. 100.

⁵⁸ Paulsen 1956 а, с. 275.

⁵⁹ Таллгрэн 1925, рис. 88, 89.

⁶⁰ Callmer 1983-1984, с. 10.

В дружинном искусстве Поднепровья, в X в. впитавшем разнукультурные традиции, создаётся образ Тора с парой козлов (Рис. 5, 2), представленных и отдельно от своего повелителя (рис. 5, 3). Образ Тора с двумя животными-спутниками воспроизводит композицию „Один и вороны”, известную у германцев уже с V в.н.э.⁶¹. Этой же схеме соответствуют прусские дружинные изображения как Перкуиаса (рис. 5, 5), так и его рогатого спутника с символами громовника на кончиках рогов (рис. 5, 6). Сходство композиций изображения бога-повелителя молний – результат становления дружинной культуры Балтийского субрегиона, объединявшего в своих пределах различные этносы, близкие между собой, как в экономическом и хозяйственном отношениях, так и в области искусства, стоявших на одном уровне общественного развития⁶². Находки IX в. в Микульчицах (Великая Моравия) подтверждают единые представления славян, балтов и скандинавов о атрибутах и животных-спутниках бога-громовника. Фигурка Перуна на наконечнике ремня снабжена топором-молотом и символом жертвенного животного – рогом⁶³. Сцена борьбы козла с драконом⁶⁴ на культовом гребне воссоздаёт мотив основного индоевропейского мифа. Его персонажи – рогатый скот и дракон наряду с богом-громовником надолго закрепились в фольклоре славян и балтов⁶⁵.

Подводя итог, можно сказать, что культовое оружие на рубеже I-II тысячелетия н.э. было присуще как народам востока, так и центра и севера Европы. Жертвенные мечи и топоры объединяются общими формами, родившимися в X в. в бассейне Балтики. Единой является смысловая нагрузка декора этого оружия. Кроме „пернатого” орнамента топоров пруссов, остальные культовое оружие связано с поклонением богу-громовнику. У балтов мечи для жертвоприношений отличаются от боего оружия секеровидными перекрестиями и антенновидными навершиями, у скандинавов – несут на костяных перекрестиях изображения Тора и его козлов. Подобные изображения с прибавлением мотива „процветшего ростка” представлены на топоре из Маммен (Дания)⁶⁶. Последний элемент орнамента является ведущим на культовых топориках Восточной Европы.

XI в. явился переломным в истории европейского язычества. Во многом под давлением христианства кровавые жертвоприношения сменяются безкровными ритуалами⁶⁷. В свете этого культовые топоры

⁶¹ *Die Germanen* 1983, с. 215.

⁶² Кирпичников, Дубов, Лебедев 1986, с. 237.

⁶³ Herrmann 1982, рис. 48 с.

⁶⁴ Herrmann 1976, рис. 57.

⁶⁵ Топоров 1980, с. 32.

⁶⁶ Pendleson 1980, с. 89.

⁶⁷ Велецкая 1978, с. 70-73.

Древней Руси XI-XII вв. и этнографические костяные топоры Прибалтики могут считаться уже не жертвенными (как мечи пруссов и куршей и топоры моравян) а магическим оружием⁶⁸.

Магические изображения, связанные с земледельческими культами и отражающие принесение в жертву рогатых парнокопытных животных, представлены сначала в декоре княжеского вооружения⁶⁹ и снаряжения⁷⁰ XI-XII вв. переходят на дворянские гербы XIII в. (Польша)⁷¹, и в конечном итоге сохраняются на традиционной народной одежде⁷².

Изучение культового оружия народов Восточной Европы показывает возникновение и развитие общего для балтов, славян и скандинавов культа бога-громовника, у первых двух народов оттесняющего верховное божество⁷³. Эта перемена в религиозных воззрениях связана с деятельностью дружины, вышедшей из рамок общественных и религиозных структур рода. Княжеская принадлежность культа Перуна на Руси бесспорна⁷⁴. В дружинной среде славян и балтов формировалась прослойка независимых от рода жрецов, которым и принадлежало жертвенное оружие, рассмотренное в данной работе. Только плотный контакт этих жрецов с дружиной может объяснить заимствование для жертвенного оружия дружинных типов вооружения.

Конечный акт заклания жертвенным оружием и помещение головы жертвы в культовый сосуд представлен в упомянутых выше погребениях в Чёрной Могиле и Гнёздове, положение головы барана на алтарь Перуна показано в деревянной скульптуре из Иовгорода (вторая пол. X в.⁷⁵).

Апофеозом культа бога-громовника, развившегося в дружинной культуре явилось создание князем Владимиром Святославичем ок. 980 г. государственного культа Перуна для укрепления идеологической базы молодого Русского государства⁷⁶. Тенденция к подобной языческой реформе отмечена и у пруссов и проводилась вождями Брутенем и Видевутом, деятельность которых относится к нач. VIII в.⁷⁷ Однако если княжеский культ Владимира был призван укреплять раннефеодальное государство, то культ Перкунаса у пруссов выделял, возможно, сакрализовал первоначальную дружинную прослойку пруссов

⁶⁸ Корзухина 1966, с. 89.

⁶⁹ Langenheim 1936, с. 288, Taf. XXIX, 4.

⁷⁰ Городцов 1926, с. 132.

⁷¹ Paulsen 1937, с. 116.

⁷² *Историко-этнографический атлас* 1986, рис. 120, 121.

⁷³ Гамкрелидзе, Иванов 1984, с. 798.

⁷⁴ Рыбаков 1986, с. 254.

⁷⁵ Колчин 1971, с. 38, табл. 28,3.

⁷⁶ Рыбаков 1986, с. 412.

⁷⁷ Кулаков 1985 в, с. 190.

нач. VIII в. Слишком устойчивые родовые отношения в это время не предполагали создания государственности на западной окраине Балтского моря.

Глубочайшие корни, которые пустил культ Перуна-Перкунаса в народном сознании, сохранившиеся в этнографических материалах до наших дней, показывают особую значимость этого культа. Возведение князем бога-громовника на вершину языческого пантеона, жертвоприношения и моления о даровании плодородия папням уже соответствуют периоду прочного становления государственности (на примере Киевской Руси), базой которого являлось земледелие. Само использование ранее боевых типов вооружения дружинников в качестве культового оружия показывает прямую связь дружины с земледельческим хозяйством и культом. Этот факт знаменует начало превращения жившей ранее только за счёт военной добычи дружины в класс феодалов-землевладельцев (X-XI вв.).

Таким образом, важнейшая роль оружия как символа раннефеодальной, княжеской власти кроется в осмыслении его магического смысла как культового оружия. Меч и топор феодала (князя и его вассалов) символизирует жертвоприношение, обеспечивавшее плодородие пашен и связанное с этим благосостояние земледельцев.

ЛИТЕРАТУРА

- Callmer J. 1983-1984, *Sceatta problems in the light of the finds from Åhus*. Studien utwigna av kungl. Humanistiska vetenskapssamfundet i Lund. 7-18.
- Lucas David, 1812 *Preussische Chronik*, Königsberg.
- Filip J. 1951 *Pradzieje Czechosłowacji*, Poznań.
- Die Germanen* 1983, *Ein Handbuch*, Bd. 2, Berlin.
- Graham-Campbell J., Kidd D., 1980, *The Vikings*, London.
- Heath I. 1986, *The Vikings*, London.
- Hensel W. 1950, *Studia i materiały do osadnictwa Wielkopolski wczesnohistorycznej*, I, Poznań.
- Herrmann J. 1976, *Zwischen Hradschin und Vineta*, Jena-Berlin.
- , 1982, *Slawen und Wikinger in der Frühgeschichte der Ostseevölker*, [в:] *Wikinger und Slawen*, Berlin, 18-43.
- Heydebrand-Lasa F. 1939, *Die Bildlichen Darstellungen auf Prunkwaffen germanisch-slawischer Berührungsgebiete und ihre Bedeutung für die genealogische Geschichtsforschung*, Altschlesien 8, 132-151.
- Karwasińska J. 1956, *Drzwi Gnieźnieńskie a rozwój legendy o świętym Wojciechu*, [в:] *Drzwi Gnieźnieńskie* I, Wrocław, 20-41.
- La Baume W. 1941, *Zur Technik der Verzierung ostpreussischer Waffen der Wikingerzeit*, Altpreussen 6, 26-30.

- Langenheim K. 1936, *Bedeutung der Wikinger für Schlesiens Frühgeschichte*, Altschlesien 6, 276-316.
- Mühlen B. 1975, *Die Kultur der Wikinger in Ostpreussen*, Bonner Hefte zur Vorgeschichte 9.
- Müller H., Kölling H. 1981, *Europäische Hieb- und Stichwaffen*, Berlin.
- Nadolski A. 1978, *Broń średniowieczna z ziem polskich*, Łódź.
- Paulsen P. 1937, *Prunkwaffen der Niederlausitz*, Altschlesien 7, 112-117.
- , 1956a, *Axt und Kreuz in Nord- und Osteuropa*, Bonn.
- , 1956b, *Einige Säbelschwerter in Ostseeraum*, [в:] *Documenta archaeologica, W. La Baume dedicata*, Bonn, 121-131.
- Pendlesonn K. R. G. 1980, *The Vikings*, New York – London.
- Powierski J. 1968, *Stosunki polsko-pruskie do 1230 r.*, Toruń.
- Szymański W. 1965, *Wczesnośredniowieczne noże z rękojeściami zakończonymi wolutami w świetle nowych badań*, Wiadomości Archeologiczne 31, 146-148.
- , 1988, *Noże z rękojeściami zakończonymi wolutami – zagadkowe komponenty kultury słowiańskiej i awarskiej*, [в:] *Studia nad etnogenezą Słowian i kulturą Europy wczesnośredniowiecznej*, II, Wrocław, 141-159.
- Ślaski K. 1970, *Przyczyny polityczne zaboru ziemi chełmińskiej przez Prusów w XIII wieku*, Acta Baltico-Slavica 7, 23-30.
- Tallgren A. 1925, *Zur Archäologie- Eastis*, II, Dorpat.
- Tautavičius A. 1978, *Lietuvos archeologijos atlasas*, IV.
- Vaitkunskiene L. 1981, *Sidabras senoves Lietuvoje*, Vilnius.
- Volkaite-Kulikauskienė R. 1970, *Lietuviai IX-XII amžiais*, Vilnius.
- , 1981, *Ginklai*, [в:] *Lietuvių materialinė kultūra IX-XIII amžiuje*, II, Vilnius, 6-48.
- Żak J. 1963, „Importy” skandynawskie na ziemiach zachodniosłowiańskich od IX do XI wieku (część katalogowa), Poznań.
- Арциховский А. В. 1953, *Раскопки 1951 г. в Новгороде*, Советская археология XVIII, 342-371.
- Велецкая Н. Н. 1978, *Языческая символика славянских архаических ритуалов*, Москва.
- Вийрес А. О. 1975, *Упряжные волы и лошади в Прибалтике (XIII-XIX вв.)*, [в:] *Этнографическое картографирование материальной культуры народов Прибалтики*, Москва, 12-32.
- Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. 1984, *Индоевропейский язык и индоевропейцы*, II, Тбилиси.
- Городцов В. А. 1926, *Древнее стремя Государственного Исторического Музея*, Труды Государственного Исторического Музея I, Москва, 125-134.
- Даркевич В. П. 1961, *Топор как символ Перуна в древнерусском язычестве*, Советская археология, № 4, 84-102.
- Историко-этнографический атлас Прибалтики, Одежда* 1986, Рига.
- Казакявичюс В. 1986, *Развитие вооружения жителей Литвы в I тысячелетии н.э.*, [в:] *Археология и история Пскова и Псковской земли*, Псков, 53-54.
- Кирпичников А. Н. 1966a, *Древнерусское оружие*, вып. I. Свод археологических источников EI-36, Москва – Ленинград.
- , 1966b, *Древнерусское оружие*, вып. 2, Свод археологических источников EI-36, Москва – Ленинград.
- Кирпичников А. Н., Дубов И. В., Лебедев Г. С. 1986, *Русь и варяги (руско-скандинавские отношения домонгольского времени)*, [в:] *Славяне и скандинавы*, Москва, 189-297.
- Ковалевский А. П. 1956, *Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921-922 гг.*, Харьков.

- Колчин Б. А. 1971, *Новгородские древности. Резное дерево*, Свод археологических источников EI-55, Москва.
- Корзухина Г. Ф. 1966, *Ладомжский топорик*, [в:] *Культура Древней Руси*, Москва.
- Кулаков В. И. 1982, *Семантика оружия пруссов*, [в:] *IX Всесоюзная конференция по изучению истории экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии*, Тарту, 186-187.
- , 1985а, *Прусы и восточные славяне*, [в:] *Тезисы докладов советской делегации на V Международном конгрессе славянской археологии*, Москва, 130.
- , 1985б, *„Прусские земли“ в свете археологии*, [в:] *Проблемы этнической истории балтов*, Рига, 72-74.
- , 1985в, *Начало дружины пруссов*, [в:] *Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии*, Москва, 190.
- Лебедев Г. С. 1978, *Этнографические сведения арабских авторов о славянах и русах*, [в:] *Из истории феодальной России*, Ленинград, 21-24.
- Мержинский А. Ф. 1899, *Ромове*, [в:] *Труды десятого археологического съезда в Риге*, I, Москва, 375-376.
- Минасян Р. С. 1978, *Железные ножи с волутообразным навершием*, [в:] *Проблемы археологии*, II, Ленинград, 148-152.
- Петрухин В. Я. 1976, *Погребения знати эпохи викингов (по данным археологии и литературных памятников)*, Скандинавский сборник 21, Таллин, 153-170.
- , 1983, *Об особенностях славяно-скандинавских этнических отношений в раннефеодальный период (IX-XI вв.)*, [в:] *Древнейшие государства на территории СССР*, Москва.
- Пушкина Т. А. 1984, *Бронзовый идол из Чёрной Могилы*, Вестник Московского Государственного Университета, № 3, 86-87.
- Разин Е. А. 1940, *История военного искусства*, II, Москва.
- Рыбаков Б. А. 1949, *Древности Чернигова*, I, Материалы и исследования по археологии СССР, Москва-Ленинград, 7-93.
- , 1987, *Язычество Древней Руси*, Москва.
- Седов В. В. 1982, *Восточные славяне в VI-XIII вв.*, Москва.
- Спицын А. 1905, *Гнёздовские курганы в раскопках С. И. Сергеева*, Известия Археологической Комиссии, 15, Санкт-Петербург.
- Топоров В. И. 1980, *Wilnius, Wilno, Vильнюс: город и миф*, [в:] *Балтославянские этноязыковые контакты*, Москва, 3-71.
- Урбанавичюс В. 1985, *Реликты язычества в памятниках 14-16 вв. в Литве*, [в:] *Новое в археологии Прибалтики и соседних территорий*, Таллин, 161-166.